

Одухотворённые люди
Инсценировка А.И.Вахрамеевой

Действующие лица:

Родина-мать
Иван Красносельский
Василий Цибулько
Юрий Паршин
Даниил Одинцов
Николай Фильченко
Поликарпов, батальонный комиссар
Лукьянов, полковой комиссар
Рубцов, корабельный кок
Немцы
Невеста Ивана Красносельского
Уральские девушки

Немец

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch ich wohl, euch diesmal festzuhalten?
Fühl ich mein Herz noch jenem Wahn geneigt?
Ihr drängt euch zu! nun gut, so mögt ihr walten,
Wie ihr aus Dunst und Nebel um mich steigt;
Mein Busen fühlt sich jugendlich erschüttert
Vom Zauberhauch, der euren Zug umwittert.
Deutschland über alles!

Родина-мать. Мальчик лет семи рыл совком землю, готовя маленькую могилу. Около него уже было небольшое кладбище - четыре креста из щепок стояли в изголовье намогильных холмиков, а он рыл пятую могилу.

1-ая девушка: Ты теперь большую рой! Я тебе говорю: большую нужно, братскую, у меня покойников много, народ умирает, а ты одна рабочая сила, ты не успеешь рыть. Еще рой, еще, побольше и поглубже - я тебе что говорю!

2-ая девушка: Мальчик старался уважить сестру и быстро работал совком в земле.

Николай Фильченко: Фильченко тихо наблюдал эту игру детей в смерть.

Невеста Красносельского: Сестра мальчика ушла домой и скоро вернулась обратно. Она несла теперь что-то в подоле своей юбочки.

3-я девушка: Не готово еще?

4-ая девушка: Тут копать твердо.

3-ая девушка б Эх ты, румын-лодырь.

Родина-мать: Мальчик поглядел, что принесла сестра. Он поднял с земли мало похожее туловище человечка, величиною вершка в два, слепленное из глины. На земле лежали еще шестеро таких человечков, один был без головы, а двое без ног они у них отгрохотались.

3-я девушка: Они плохие, такие не бывают.

4-ая девушка: Нет, такие тоже бывают. Их танками пораздавило: кого как. Бывают.

Николай Фильченко: И мои две сестренки тоже играют где-нибудь теперь в смерть на Украине, - подумал политрук, и в душе его тронулось привычное горе, старая тоска по погибшему дому отца. Но, должно быть, они уже не играют больше, они сами мертвые... Нужно отучить от жизни тех, кто научил детей играть в смерть! Я их сам отучу от жизни!

4-ая девушка:

Матушка, матушка, что во поле пыльно?

Сударыня матушка, что во поле пыльно?

Матушка, матушка, на двор гости едут,
Сударыня матушка, на двор гости едут!..

Матушка, матушка, образа снимают,
Сударыня матушка... Меня благословляют...

Родина - мать: В дальней уральской деревне пели русские девушки. Одна из них пела выше и задушевнее всех, и слезы текли по ее лицу, но она продолжала петь, чтобы не отстать от своих подруг и чтобы они не заметили ее горя и печали. Она плакала от чувства любви, от памяти по человеку, который был сейчас на войне; ей хотелось увидеть его и утешить вблизи него свое сердце, плачущее в разлуке.

Иван Красносельский: А он бежал сейчас по полю сражения вперед, лицо его было покрыто кровью и потом, он бежал, задыхаясь от смертной истомы, и кричал от ярости. У него была поранена пулей щека, и кровь из нее лилась ему за шею и засыхала на его теле под рубашкой. Он хотел рвануть на себе рубашку, но она была спрятана далеко под бушлатом и морской шинелью. Он чувствовал лишь маленькую рану на лице и не понимал, отчего же он столь слабеет и дыхание его не держит тела. Тогда он рванул на себе воротник застегнутого бушлата; ему сейчас некогда было слабеть, ему еще нужно было немного времени, потому что он шел в атаку, он бежал по известковому полю, поросшему

сухощавой полынью. Вблизи от него, справа, слева и позади, стремились вперед его товарищи, и сердца их бились в один лад с его сердцем, сохраняя жизнь и надежду против смерти.

Пули прошли над ним; он снова был на ногах, повинувшись необходимости боя, и пошел вперед. Впереди лежал его товарищ, моряк был убит пулею в глаз - свет и жизнь в нем угасли одновременно. Может быть, мать его любила меньше меня, или она забыла про него? И ему стало стыдно этой своей нечаянной мысли, и захотелось прилечь рядом с ним и сказать, что он отдаст за него жизнь.

Он словно принял на себя обязанность жить за умершего друга. И силы вновь появились. С криком ярости он ворвался в окоп, в убежище врага, увидел там серое лицо неизвестного человека, почувствовал чуждое зловоние и сразил врага прикладом в лоб. Но не упомянул, убил он его или нет, и упал в беспамятстве.

Поликарпов: По немецкому рубежу, атакованному русскими моряками, начала сокрушающе бить немецкая артиллерия, чтобы место стало ничьим. Старший батальонный комиссар Поликарпов издали смотрел в бинокль на поле сражения. Он видел тех, кто пал к земле и не поднялся более. Комиссар запомнил, как пал, сраженным, Прохоров. Неровно, но упрямо удалялся вперед на противника краснофлотец Красносельский, видимо уже раненный, однако стерпевший до конца свою муку. Правый и левый фланги еще шли, но середины уже не было. Средняя часть наступающего подразделения была вся разбита и легла к земле под огнем; был или не был там кто в живых, комиссар Поликарпов не знал; поэтому он сам решил идти туда и пополз по земле вперед.

Позади него был Севастополь, впереди - Дуванкойское шоссе. С высоты врагу уже виден был город, последняя крепость и убежище русского народа в Крыму. Огонь врага прекратился. Поликарпов поднялся в рост и побежал по взгорью. Четверо моряков с правого фланга присоединились к Поликарпову и помчались вперед, вслед комиссару, пользуясь тишиной на этой еще не остывшей от огня смертной земле.

Внезапный и одновременный удар огня из нескольких пулеметов раздался со второго рубежа немцев. Огонь был жесткий и точный. Вдобавок к пулеметам начали бить минометы. Зачем столько огня против пятерых. Пугливо, без расчета бьют! Маленькие толстые тела мин с воем неслись над телами людей и рвались на куски, словно от собственной внутренней ярости. Оставаться на месте было нельзя, чтобы не умереть бесполезно.

За мной! Вперед, на злодеев, мать их...

Поликарпов почувствовал удар ревущего воздуха в лицо и приник обратно к земле; стая тяжелых мин пронеслась над отрядом. Комиссар залег вполборота к своим людям, чтобы видеть, все ли они целы. Пока они все еще были живы. Один Василий Цибулько что-то не шевелился, лежа ничком. Поликарпов подполз к нему ближе и увидел, что Цибулько тоже начал шевелиться - стало быть, и он был живой.

Невеста Красносельского: Любовь долготерпит

- 1 - ая де ву ш ка : Ми ло серд ст вует
2 - ая де ву ш ка : Лю бо вь не за ви ду ет
3 - я де ву ш ка : Лю бо вь не пре воз но сит ся
4 - ая де ву ш ка : Не гор дит ся
5 - ая де ву ш ка : Не бес чин ст вует

По ли кар п ов : О пу хи шие, по трес ка вши е ся от вет ра уста его бы ли от кры ты, он при жи мал ся ими к зем ле и от ы мал их, а за тем оп ять жа дно це ло вал зем лю, на хо дя в том для се бя ус по ко ение и у те ше ние. Да ни ил О ди н ц ов за дум чиво смот рел на бы ли нку по лы ни; она бы ла сей час ми ла для не го. "Э то все хо ро шо, - ре шил По ли кар п ов, - но нам по ра впе ред", и он сно ва крик нул крас но флот цам, два ли ус лы шан ный за свист ом и гро хо та нием ог ня, но тут же уп ал, не по няв сам при чи ны и оз ло бив ши сь на вра ждеб ную си лу, с раз ив шую его. Он ско ро оч ну лся и по чу ст во вал, как хо ло де ет, сло вно та ет и у ме нь ша ет ся вся в ну трен ность его те ла. Он уви дел сво ю ле вую ру ку, от се чен ную ос ко лком ми ны поч ти по плеч о. Э та сво бод ная ру ка ле жа ла те перь от де ль но воз ле его те ла. Из пред плеч ья шла тем ная кровь, со чась ск во зь об ры вок ру ка ва ки те ля. Из сре за от се чен ной ру ки то же еще шла кровь по ма лень ку. На до бы ло спеш ить, по то му что жи зни ос тал ось не мно го.

И он взял свою левую руку за кисть и встал на ноги, в гул и свист огня. Он поднял над головой, как знамя, свою отбитую руку, сочащуюся последней кровью жизни, и воскликнул в яростном порыве своего сердца, погибающего за родивший его народ. Вперед! За Родину, за вас!

Да ни ил О ди н ц ов : Д во е крас но флот цев до рва ли сь до пер вых ко рот ких щелей - око пов про тив ни ка - и вве ли сь в них.

Ва си лий Ци бу ль ко : Ну, тут-то мы жи те ли!

Да ни ил О ди н ц ов . Тут-то что же! Тут рес то ран-ка фе на При мор ском бу ль ва ре, толь ко все го!

Ва си лий Ци бу ль ко : А ре бя та как там ус тро и ли сь?

Да ни ил О ди н ц ов : Они вон в том блин да же ос та ли сь. Там им удо бней.

Ва си лий Ци бу ль ко : Ну как ты се бя чу ст ву ешь-то? По сле боя в э ва ку по й де шь иль так обо й де шь ся, под ог нем от ды ши сь ся?

И ван Крас но сел ь ский : Те перь мне мно го лег че. Пло хо бы ло, ко гда я в ата ку шел, то гда исто ма меня все го бра ла, а по ка до вра га до шел - я об вет ри лся, об оз лел и вы здо ров ел. А где наш ба таль он ный ко ми ссар то ва ри щ По ли кар п ов?

Да ни ил О ди н ц ов . Но чью у бе ре м его с по ля... Та кие лю ди дол го не дер жа тся на све те, а свет на них сто ит ве чно.

Ва си лий Ци бу ль ко : Э то точ но! "Впе ред, го вор ит, за Ро ди ну, за вас!.." За нас с то бой! Ро ди ной для не го бы ли все мы, и он умер.

И ван Крас но сел ь ский : Он кро вью ис тек?

Ва си лий Ци бу ль ко : Точ но.

Ро ди на-м ать . На вы со те на ста ла ть ма, но Се вас то поль был светел: над ним сияли че ты ре лю стры ос вет итель ных ра кет, и по те лу го ро да би ла из да ли тя же лая ар тил лер ия вра га. По вра гу из мра ка мо ря стре ля ли че рез го род пу шки на ших ко ра блей. Крас но сел ь ский лег на дно око па и за дре мал для от ды ха. Он дре мал, боль ное те ло его от ды хало, но в соз на нии его не прер ыв но шел ти хий по ток мы слей и во об ра же ния.

И ван Крас но сел ь ский : Ей там ти хо сей час, те пло и по кой но - пусть она спит, а ут ром пробуж да ет ся, пусть она жи вет дол го, до са мой стар ости, и бу дет сы та и счас тли ва - с ним или с дру гим хо ро шим че ло ве ком.

Не ве ста Крас но сел ь ского : А в ураль ской де ре вне дав но уже ум олк ла пе сня оди но ких де ву шек: там вре мя ушло да ле ко за пол но чь, и ско ро нуж но бы ло уже под ни мать ся на сель скую ра бо ту. Не ве ста И ва на Крас но сел ь ского то же сп ала, и те перь она не пла ка ла: ее ли цо, пре крас ное не жен ской крас отой, но вы ра же нием удив ле ния и не вин но сти, бы ло спо кой но сей час.

И ван Крас но сел ь ский . Но луч ше пусть она бу дет с ним, а дру го му че ло ве ку пусть до ста не тся дру га я хо ро шая де ву ш ка или в до ва - и в до вы есть ни че го.

Не ве ста Крас но сел ь ского : А ей сни лось, что вой на окон чи лась и э ше ло ны с вой ск а ми едут об ра тно до мой, а она, что бы стерпеть вре мя до воз вра ще ния Ва ни, си дит и ско ро-ско ро сши ва ет мел кие раз но цвет ные ло ску тья, из го тов ляя крас ив ый плат на оде яло...

1 - ая девушка: Краснофлотцы, отходя через полярное поле, нашли тело комиссара Поликарпова.

2 - ая девушка: И унесли его, чтобы предать земле и спасти от поругания врагом.

3 - я девушка: Чем еще можно выразить любовь к мертвому, безмолвному товарищу?

4 - ая девушка: За насыпью Дуванкойского шоссе четверо моряков рыли могилу для комиссара Поликарпова.

5 - ая девушка: Одинцов бросил саперную лопатку и сел в праздности.

Даниил Одинцов: Комиссар говорил, что мы для него - всё, что мы для него - Родина. И он тоже Родина для нас. Не буду я его в землю закапывать.

Василий Цибулько: Это неудобно, это совестно. Надо же спрятать человека, а то его завтра огонь на куски растаскает. Потом мы его обратно выроем - это мы его спрячем пока, до победы!.. Неудобно, Даниил!

Иван Красносельский: Они хотели, чтобы он был сейчас с ними, и чтобы они могли посмотреть на него в свой трудный час.

Юрий Паршин. Мертвую отбитую левую руку моряки поместили вдоль груди комиссара и положили поверх нее, как на оружие, правую руку.

Николай Фильченко: К рассвету прибыли на машине политрук Фильченко и полковой комиссар Лукьянов; они привезли с собой боеприпасы, оружие и пищевые продукты.

Лукьянов. Лукьянов осмотрел позицию и увез с собой в город тело Поликарпова, пообещав наутро снова приехать на этот участок.

Родина - мать: Наутро снова будет бой.

Даниил Одинцов: Одинцов ожидал его с желанием: все равно нет жизни сейчас на свете и надо защищать добрую правду русского народа нерушимой силой солдата. Правда у нас. Нам трудно, у нас болит душа. А фашист, он действует для одного своего удовольствия - то пьян напьется, то девушку покалечит, то в меня стрельнет. А нас учили жить серьезно, нас готовили к вечной правде, мы Ленина читали. Только я всего не прочитал еще, прочту после войны.

Правда есть, и она записана у нас в книгах, она останется, хотя бы мы все умерли. А этот бледный огонь врага на небе и вся фашистская сила - это наш страшный сон. В нем многие помрут, не очнувшись, но человечество проснется, и будет опять хлеб у всех, люди будут читать книги, будет музыка и тихие солнечные дни с облаками на небе, будут города и деревни, люди будут опять простыми и душа их станет полной.

Родина - мать. И Одинцову представилась вдруг пустая душа в живом, движущемся мертвяке, и этот мертвяк сначала убивает всех живущих, а потому теряет самого себя, потому что ему нет смысла для существования и он не понимает, что это такое, он пребывает в постоянном ожесточенном беспокойстве.

Даниил Одинцов. А я окончу музыкальную школу при филармонии, где учился до войны, и стану музыкантом. Я буду пианистом, и если сумею, то и сам начну сочинять новую музыку, в которой будет звучать потрясенное войной и смертью сердце человека. Спят Цибулько и Паршин, спит Красносельский, раненный в грудь насквозь; навеки уснул комиссар. Плохо им спать на жесткой земле: не для такого мира родили их матери и вскормил народ, не для того, чтобы кости отрывали от тела их живых детей. Много еще работы будет на свете и после войны, после нашей победы, если мы хотим, чтобы мир стал святым и одушевленным, если мы хотим, чтобы сердце красноармейца, разорванное сталью на войне, не обратилось в забытый прах...

Николай Фильченко: Иди ляжь!

Даниил Одинцов: Но Одинцову не хотелось спать. Но надо - так надо.

Николай Фильченко: Фильченко поглядел на товарищей. Они раскинулись в последнем сне, перед пробуждением. У всех у них были открыты лица, и Фильченко вгляделся отдельно в каждое лицо, потому что эти люди были для него на войне всем, что необходимо для человека и чего он лишен: они заменяли ему отца и мать, сестер и братьев, подругу сердца и любимую книгу, они были для него всем советским народом в маленьком виде, они поглощали всю его душевную силу, ищущую привязанности. Ты чего, ты боишься?

Василий Цибулько: Нет, товарищ политрук, я ничем не боюсь, это я почувствовал сейчас, что мать моя любит и вспоминает меня; это она боится, что я тут помру, и мне ее жалко стало.

Николай Фильченко: Цибулько обо всем любил соображать своей особенной головой; он воспринимал мир как прекрасную тайну и был благодарен и рад, что он родился жить именно

здесь, на этой земле, будто кто-то был волен поместить его для существования как сюда, так и в другое место.

Василий Цибулько: В своем колхозе я устраивал разные предметы и способы для облегчения жизни человечества: там ветряная мельница накачивала воду из колодца в чан; а на огородах и бахчах я установил страшные чучела, действующие тем же ветром, - эти чучела гудели, ревели, размахивали руками и головами, и от них не было житья не только хищным птицам, но и людям не было покоя. А однажды начал кушать в вареном виде одну траву, которая в его местности спокон века считалась негодной для пищи; и от той травы я только не заболел и не умер, а наоборот - стала прибавляться сила, почему появилось убеждение, что та трава на самом деле есть полезное питание.

Николай Фильченко: Фильченко вспомнил, как они лежали рядом с Цибулько четыре дня тому назад в известковой яме. На их подразделение шли три немецких танка. Цибулько вслушался в ход машин и уловил слухом ритмичную работу дизель-моторов.

Василий Цибулько: Николай! Слышишь, как дизеля туго и ровно дышат? Вот где сейчас мощность и компрессия. Я, конечно, понимаю, что хотя фашисты едут на этих машинах убивать нас, но машины тут ни при чем, потому что их создали свободные гении мысли и труда, а не эти убийцы тружеников, которые едут сейчас на машинах. И вообще, все машины, они - за нас, то есть за рабочий класс, потому что рабочий класс есть отец всех машин и механизмов.

Николай Фильченко: Теперь Цибулько спал; его доверчивые глаза были сейчас закрыты. Он каждый день стоял против смерти, отстраняя ее от своего народа. Живи, Вася, пока не будешь старик.

Иван Красносельский: Иван Красносельский до флота работал по сплаву леса на Урале; он был плотовщиком. Воевал он исправно и по-хозяйски, словно выполняя тяжелую, но необходимую и полезную работу. С товарищами водился без особой дружбы, без той дружбы, в которой каждое человеческое сердце соединяется с другим сердцем, чтобы общей большой силой сохранить себя и каждого от смерти.

Невеста Красносельского: Он был привязан к жизни другою силой, не менее мощной - его хранила любовь к своей невесте, к далекой отсюда девушке на Урале, к странному тихому существу, питавшему сердце моряка мужеством и спокойствием. Фильченко давно заметил, еще до войны, что Красносельский, бывая на берегу, никогда не гулял в Севастополе с девушками, мало и редко пил вино, не предавался озорству молодости, - не потому, что не способен был на это, а потому, что это его не занимало и не утешало и он тосковал в таких обычных забавах.

Иван Красносельский: Воевал, приближая время победы, чтобы начать затем совершение другого подвига - любви и мирной жизни.

Николай Фильченко: Фильченко задумался, наблюдая Красносельского: велика и интересна жизнь, и умирать нельзя. Юрка Паршин был четыре раза ранен, два раза тяжело, но не умер.

1-ая девушка: Небольшой, средней силы, веселый и живучий, способный пойти на любую беду ради своего удовольствия.

2-ая девушка: Он допускал свою гибель лишь после смерти последнего гада на свете.

3-я девушка: На корабле, еще в мирное время, он дважды сваливался с борта в холодную осеннюю воду, пока не было понято, что он это делал нарочно - ради того, чтобы корабельный врач выдавал ему для согревания спирт.

Юрий Паршин: Потому что человек продрог.

4-ая девушка: Паршин знал и любил много своих севастопольских подруг.

1-ая девушка: И они тоже любили его в ответ и не ревновали друг к другу.

Юрий Паршин: Что так необычно для женской природы.

2-ая девушка: Однако тайна привлекательности Юры Паршина была проста, и понимание ее увеличивало симпатию к нему.

3-я девушка: Она заключалась в доброй щедрости его души, в беспощадном отношении к самому себе ради любого милого ему человека и в постоянной веселости.

4-ая девушка: Он мог принять вину товарища на себя и отбыть за него наказание.

1-ая девушка: Он мог выручить подругу, если она нуждалась в его помощи.

3-я девушка: Однажды, будучи в командировке в Феодосии, он познакомился с местной девушкой; она, почувствовав в нем настоящего человека, попросила Паршина сделать ей одолжение: жениться на ней.

Юрий Паршин: Ей так нужно было, потому что она стыдилась своего материнства от любимого человека, который оставил ее и уехал неизвестно куда, не совершив с ней формального брака. В следующий мой приезд в Феодосию была сыграна свадьба.

3-я девушка: После свадьбы он просидел всю ночь у постели своей названной жены, всю ночь он рассказывал ей сказки и были, а наутро поцеловал ее, как сестру, в лоб и протянул ей руку на прощанье. Но у женщины, слушавшей его всю ночь, тронулось сердце к своему ложному мужу, она уже увлеклась им и задержала руку Паршина в своей руке.

3-я девушка: Оставайтесь со мной.

Юрий Паршин: А надолго?

3-я девушка: Навсегда.

Юрий Паршин: Нельзя, я непутевый.

4-ая девушка: Видя в Паршине его душу, люди как бы ослабевали при нем, перед таким открытым и щедрым источником жизни, светлым и не слабеющим в своей расточающей силе

1-ая девушка. И обычные страсти и привычки оставляли их.

2-ая девушка: Они забывали ревность в любви, потому что их сердцу и телу становилось стыдно своей скупости.

3-я девушка: И новое легкое чувство жизни зарождалось в них и влекла за собой.

4-ая девушка: А на войне Паршин чувствовал себя свободно и страха смерти не ощущал.

1-ая девушка: Четыре раза он был ранен. Четыре раза врывалась к нему в тело сталь, но не уживалась там, и моряк четыре раза оживал.

2-ая девушка: Из этого Паршин убедился, что он обязательно уцелеет до конца войны и увидит нашу победу.

Николай Фильченко: Жалко вас всех, чертей! Что ж! Если мы погибнем, другие люди родятся, и не хуже нас. Была бы Родина, родное место, где могут рождаться люди...

Лукьянов: Здравствуйте, товарищи!

Все: Здравия желаем, товарищ комиссар!

Лукьянов: Резервы подойдут позже, они выгрузились ночью и сейчас снаряжаются. Вы сейчас ударные отряды авангарда. Позади вас - рубеж с нашей пехотой. Ожидается танковая атака врага. Сумеете сдержаться, товарищи? Сумеете не пропустить врага к Севастополю?

Юрий Паршин: Как-нибудь, товарищ старший батальонный комиссар!

Лукьянов: Надо сдержаться и раскрошить врага! Позади нас Севастополь, а впереди - все наше, большая вечная Родина. Враг, как волосяной червь, лезет в глубь нашей земли, без которой нам нет жизни, так рассечем врага здесь огнем! Будем драться, как спокон веку дрались русские - до последнего человека, а последний человек до последней капли крови и до последнего дыхания!

Николай Фильченко: Товарищи! Наша разведка открыла командование замысел врага. Сегодня немцы пойдут на штурм Севастополя. Сегодня мы должны доказать, в чем смысл нашей жизни, сегодня мы покажем врагу, что мы одухотворенные люди, что мы одухотворены Лениным, а враги наши только пустые шкурки от людей, набитые страхом перед тираном Гитлером! Мы их раскрошим, мы протараним отродье тирана!

Юрий Паршин: Есть таранить тирана!

Николай Фильченко: Приготовиться. По местам!

Василий Цибулько: Николай, это что?

Николай Фильченко: Должно быть, новую какую-нибудь заразу придумали фашисты... Поглядим! Фокус какой-нибудь, на испуг или на хитрость рассчитывают.

Василий Цибулько: А вдруг фашисты теперь невидимыми стали! Вдруг они вещество такое изобрели - намазали им и пропал из поля зрения!..

Николай Фильченко: Ложись в щель скорей и помирай от страха!

Василий Цибулько: Да это я так сказал. Я подумал, может, тут новая техника какая-нибудь... Техника не виновата: она наука!

Юрий Паршин. Это овцы! Это овечье стадо выходит к нам из окруженья...

Николай Фильченко: Это овцы, но они идут к нам не зря.

Даниил Одинцов: Не зря: мы горячий шашлык будем есть.

Николай Фильченко: Тихо! Внимание! Цибулько, пулемет по гадам среди нашей скотины!

Василий Цибулько: Вижу.
Николай Фильченко: Цибулько!
Василий Цибулько: Есть, ясно вижу цель.
Николай Фильченко: Цибулько! Зря овец не губи, они племенные. Огонь!
Василий Цибулько: Пулемет Цибулько работал яростно и полезно, как сердце и разум его хозяина. Половина врагов уже легла к земле на покой, но еще человек двадцать или больше немцев были целы.
Николай Фильченко: Одинцов, Паршин, бутылки с зажигательной смесью! Огонь!
Иван Красносельский: Они смешали кровь и кости овец с кровью и костями своих врагов.
Василий Цибулько: Ну как?
Юрий Паршин: Пустяк. Больше с овцами дрались.
Даниил Одинцов: Какой это бой! Это ничто.
Николай Фильченко: Кури помалу.

Лукьянов. Из-за высоты по шоссе и по рубежу, что проходил позади моряков, начала бить артиллерия врага. Пушки били не спешно, не часто, но настойчивой долбежкой, не столь поражая, сколько прощупывая линии советской обороны. И немцы, вероятно, ожидали получить ответ, потому что время от времени их артиллерия умолкала, словно слушая и размышляя.

Иван Красносельский: Пустошь делают впереди себя.

Николай Фильченко: Значит, скоро будут танки.

1-ая девушка: Вася! Пулемет по смотровым щелям первой машины! Красносельский, Паршин, бутылки и гранаты! Действуйте! Огонь!

2-ая девушка: Цибулько дал первую очередь, вторую, но танк бушевал всею своей мощностью и шел вперед на моряков.

3-я девушка: Паршин и Красносельский поползли через насыпь на ту сторону дороги.

4-ая девушка: Точней огонь, пулеметчик!

5-ая девушка: Цибулько приноровился, нащупал щель пулевой струей - всей ощутимостью своей продолженной руки, и впился свинцом в смотровую щель машины.

6-ая девушка: Танк круто рванулся вполповорота вокруг себя на одной гусенице и замер на месте: он подчинился смертному судорожному движению своего водителя.

1-ая девушка: Возле танка, встал на мгновение в рост Красносельский и метнул в него бутылку; черный смолистый дым поднялся с тела машины.

2-ая девушка: Цибулько бил из пулемета уже по другим танкам.

3-я девушка: Красносельский и Юра Паршин действовали за шоссеиной насыпью. Они ютились в воронках, за комьями разрушенной земли, за телами павших овец, вставали на момент и метали бутылки и гранаты в ревущие механизмы.

4-ая девушка: Сразу задымили густым дымом, а затем засветились сияющим пламенем еще два танка.

5-ая девушка: Осталось в живых четыре. Но немцы скупы на потери, они свое добро не любят тратить до конца.

6-ая девушка: Пора! Вася! По живой силе - огонь!

1-ая девушка: Цибулько вонзил струю огня в пехоту противника, сразу залегшую в землю.

2-ая девушка: Четыре уцелевших танка молча пошли в отход: они не открыли огня, потому что немецкая пехота и русские матросы неравномерно распределились по полю и огнем с танков можно уложить своих. Немцы, однако, тоже соображали кое-что; они поняли, что лучше на время отойти, чем до времени умереть.

3-я девушка: Через полчаса над польнным полем и над шоссеиной дорогой низко пронеслись немецкие штурмовики. Они одновременно обстреливали землю из пулеметов и бомбили ее, и без того всю израненную. Дремавшие в окопе моряки не поднялись; бодрствующий Фильченко не стал их будить; день еще долго будет идти, и бой еще будет, пусть они отдыхают пока. Николай. Николай.

Рубцов: Николай! Николай! А я пищу доставил! Разрешите угостить бойцов, товарищ политрук?

Николай Фильченко: Разрешаю.

Рубцов. Благодарю вас. Где прикажете накрыть стол, под горячий, огненный шашлык? Мясо - вашей заготовки!

Николай Фильченко: Когда же ты успел шашлык приготовить?

Рубцов. А я умелой рукой действовал, товарищ политрук, и успел! Вы же тут поспеваете овец заготавливать, о вас уже половина фронта все знает. Сколько вы овец подшибли, и то люди знают, ну - точно!

Николай Фильченко: Да откуда же это люди знают, когда мы сами того не знаем!

Рубцов. А на фронте ж, как в деревне, на улице: чего не нужно - так все враз знают, а что надо - так, гляди, и забыли!

Николай Фильченко: Это ты что за кафе на войне устроил?

Рубцов. Кафе на фронте полезно, товарищ политрук, оно победе не помешает, нисколько, нет! Вот гроб - это лишнее, его я не захватил. А кафе - это великое дело, товарищ политрук: это мирное время на память бойцам!

Иван Красносельский: Бегаешь ты вот тут как. Кокнут тебя.

Рубцов. Нет, я чуткий, я буду живой. А я ж для вас стараюсь, чтоб тело ваше питать!

Василий Цибулько: Врешь! Не бреш!

Рубцов. Так я брешу, Вася, малость. Ну, я тоже хочу немножко себе на грудь чего-нибудь схватить!

Иван Красносельский: Чего тебе надо на грудь схватить?

Рубцов. Ну, так, пусть орден, пусть будет медаль, я бойцов под огнем кормлю, а чем как хуже сестры?

Даниил Одинцов: Вот как-то мировой! Он и герой, он и карьерист, можно медаль ему дать, а можно и плюху! Он имеет на две вещи сразу!

1-ая девушка: Подразделение Фильченко целиком уселось на траву за скатерть.

2-ая девушка: А коку велено было стать на пост и глядеть вперед - следить за врагом.

Николай Фильченко: Смирно! Равнение на кока!

Рубцов: Это было воинским выражением благодарности за шашлык.

Юрий Паршин. Фу ты, черт, я пить захотел! Хорошо в бою: ничего не хочешь! А как только мирно живешь, так все время тебе чего-нибудь хочется: то кушать, то пить, то спать, то тебе скучно. А живет, оказывается, счастливой и свободной жизнью лишь боец, когда он находится в смертном сражении, - тогда ему не надо ни пить, ни есть, а надо лишь быть живым, и с него достаточно этого одного счастья.

Даниил Одинцов. Вижу танки!

Николай Фильченко: По местам! Принять танки огнем!

Василий Цибулько: Уважают нас, ишь сколько выставляют против меня одного: пятнадцать, деленное на пять и помноженное на тысячу лошадиных сил! Я доволен! Здравствуйте, инженер Рудольф Дизель! Я на вас не обижаюсь, я уважаю вас за великое изобретение двигателя, я, Цибулько, простой краснофлотец, но великий человек!

Николай Фильченко: Товарищи! Я хочу сказать вам, что нам будет трудно. Я хочу сказать, что мы отойти не можем, мы будем биться здесь до самых своих костей...

Юрий Паршин: И костями можно биться. Рванул из скелета и бей. Комиссар товарищ Поликарпов хотел же биться своей оторванной рукой!..

Николай Фильченко: Товарищи! Я говорю вам - друзья, у меня такое же сейчас чувство на сердце, как у вас, поэтому вы меня понимаете ясно. Приказываю вам стоять на этой земле и не умирать, чтобы драться долго, пока мы не поломаем здесь машины и кости врага!

1-ая девушка: Цибулько подошел к Фильченко и поцеловал его.

2-ая девушка: И все, каждый с каждым, поцеловали друг друга и посмотрели на вечную память друг другу в лицо.

3-я девушка: С успокоенным, удовлетворенным сердцем осмотрел себя, приготовился к бою и стал на свое место каждый краснофлотец.

Родина-мать: Они благословили друг друга на самое великое, неизвестное и страшное в жизни, на то, что разрушает и что создает ее, - на смерть и победу, и страх их оставил, потому что совесть перед товарищем, который обречен той же участи, превозмогла страх. Тело их наполнилось силой, они почувствовали себя способными к большому труду и они поняли, что родились на свет не для того, чтобы истратить, уничтожить свою жизнь в пустом

наслаждении ею, но для того, чтобы отдать ее обратно правде, земле и народу, - отдать больше, чем они получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей. Если же они не сумеют сейчас превозмочь врага, если они погибнут, не победив его, то на свете ничто не изменится после них, и участью народа, участью человечества будет смерть. Они смотрели на танки, идущие на них, и желали, чтобы машины шли скорее; лишь смертная битва могла их теперь удовлетворить.

Василий Цибулько: Битву моряков с танками должен начать Василий Цибулько. Фильченко приказал ему выждать, дав машинам приближение метров на сто. Цибулько давно уже насторожил пулемет и следил прицелом за движением танка, теперь он пустил пулемет в работу. Первая же очередь пуль ушла в щель головного танка, машину занесло в сторону, и она стала со всего хода в руках своего мертвого водителя. Но второй танк с отважной яростью влетел на шоссе на насыпь, наехав почти в упор на подразделение Фильченко. Мгновенно, опережая свою мысль, Цибулько привстал, пригнулся всем телом и швырнул связку гранат под этот танк.

Цибулько забыл о себе и товарищах, и вся группа бойцов была оглушена близким взрывом и сбита с ног воздушной волной. Танк замер на месте, затем медленно от собственного веса сполз юзом по противоположному откосу, на котором еще оставалась на весу половина его туловища. Поднявшись, Цибулько ударил своей левой рукой о камень, чтобы из руки вышла боль, но боль не прошла, и она мучила бойца; из разорванных мускулов шла густая сильная кровь выходила наружу по кисти руки; лучше всего было бы оторвать совсем руку, чтоб она не мешала, но нечем было это сделать и некогда тем заниматься.

Два танка сразу появились на шоссе. Цибулько забыл о раненой руке и заставил ее действовать как здоровую. Он снова припал к пулемету и бил из него в упор по машинам, норовя поразить их в служебные скважины брони. Но пулемет затих, питать его больше стало нечем: прошла последняя лента. Тогда Цибулько, не давая жизни машинам, бросился в рост на ближний танк и швырнул под его гусеницу, евшую землю на ходу, связку гранат. Раздался жесткий, локочущий взрыв - огонь стал рвать сталь, и разрушенный танк умолк навечно. Цибулько не слышал пулеметной стрельбы из этого тапка; однако теперь он почувствовал, что в теле его поселились словно мелкие посторонние существа, грызущие его изнутри: они были в животе, в груди, в горле. Он понял, что весь изранен, он чувствовал, как тает, исходит его жизнь и пусто и прохладно становится в его сердце; он лег на комья земли и сжался, как спал в детстве у матери под одеялом, чтобы согреться.

Иван Красносельский: Иван Красносельский не дал другому танку хода на Севастополь; он выбежал к нему наперерез и бросил в него раз за разом три бутылки с жидкостью. Танк занялся пламенем и, пройдя еще немного, остановился догорать. Одинцов и Паршин лежа ползли в мертвой зоне обстрела. Паршин метнул с земли бутылку в танк, горючая жидкость влипла в броню и занялась огнем. Снаряд с воем пронесся мимо головы Красносельского; боец ожесточился, что его может убить фашист, и закричал на машину страшным голосом, забыв, что ему внимать там не будут, потом резко и очно запустил бутылку в смертоносное тело машины и обрадовался пламени пожара. У Красносельского осталась еще одна бутылка со смесью; он бросился в яму, потому что свежий танк, обойдя горящий, шел на человека.

«Стой, стервец!» - крикнул Красносельский и вонзил в гремящую сталь жалкую бутылку. Машину обдало огнем; верхний люк танка откинулся, и оттуда показалось смутное лицо врага. Красносельский вскинул винтовку, но враг опередил его скорострельным пистолетом, и Иван Красносельский пал на землю с сердцем, разбитым свинцом. Умирая, он глядел в небо, он жалел, что его невеста останется без него сиротой, потому что никто ее так не будет любить, как он любил; он закрыл глаза, полные слез, и больше они не открылись у него.

Николай Фильченко: Что, Юра?

Юрий Паршин: Ничего! Давай их остановим всех - не страшно, я видел смерть, я привык к ней! Давай их крошить, командир! А то я один пойду!.. Я никогда не любил народ так, как сейчас, потому что они его убивают. До чего они нас довели я зверем стал!.. Сыпь мне в рот порох из патронов - я пузом их взорву!

Николай Фильченко: Ты сам знаешь, патронов больше нет.

Даниил Одинцов: Пошли на смерть! Лучше ее теперь нет жизни!

Николай Фильченко: Фильченко ничего не приказал товарищам. Он вышел из блиндажа и исчез в громе пушечной стрельбы, оставив товарищам по гранате.

Даниил Одинцов: Фильченко залег у поворота дороги, куда должны выйти танки в обход подбитых машин.

Николай Фильченко: Фильченко тоже волновался: он тревожился, что ошибся в расчете - и танки не выйдут на шоссе, а пойдут по обочине с той стороны. И пока он перебежит через шоссе и доберется до машины, его рассекут из пулемета и он умрет, как глупая кроткая тварь, - на потеху врага. Но вот показался головной танк.

Он поднялся в рост, сбросил бушлат и в одно мгновение очутился перед бегущими сверху на него жесткими ребрами гусеницы танка, дышавшего в одинокого человека жаром напряженного мотора. Фильченко прицелился точно - так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посредине ширины ходового звена гусеницы, и приник лицом к земле с последним вздохом любви и ненависти.

Даниил Одинцов: Коля умер. Нам тоже пора.

Юрий Паршин: Даниил!

Даниил Одинцов: Юра! Они словно брали к себе в сердце друг друга, чтобы не забыть и не разлучиться в смерти.

Юрий Паршин: Эх, вечная нам память!

Даниил Одинцов: Они побежали на танки, сделав полукруг, чтобы встретить их грудь в грудь. Но Одинцов упал к земле прежде, чем успел встретить машину вплотную, потому что пулеметчик с танка почти в упор начал сечь свинцом грудь краснофлотца. Одинцов, умирая, силой одного своего еще бьющегося сердца напряг разбитое тело и пополз навстречу танку - и гусеница раздробила его вместе с гранатой, превратив человека в огонь и свет взрыва.

Юрий Паршин: Паршин, подбежав к другому танку, ухватился за служебный поручень и успел прокатиться немного на чужой машине, а затем, услышав взрыв на теле Одинцова, оставил поручень и отбежал от танка вперед по его ходу. Там Паршин сбросил бушлат и обнажил на себе живот с гранатой, чтобы враги видели того, кто идет против них. А затем, подождав, когда танк приблизился к нему, свободно и расчетливо лег под гусеницу.

Родина-мать: Остальные, еще целые танки приостановились на шоссе и на сходах с него. Потом они заработали своими гусеницами одна навстречу другой и пошли обратно - через полынное поле, в свое убежище за высотой. Они могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели. Этого они одолеть не умели, а быть побежденными им тоже не хотелось.

Василий Цибулько: На месте боя подразделения, которым командовал политрук Фильченко, остались видимыми лишь мертвые танки и один живой человек. Живым остался один Василий Цибулько: он понимал, что скоро умрет, но пока еще был живым. Он выполз на бровку шоссе в стороне от места боя танков со своими товарищами и видел почти все, что было там совершено.

Теперь он увидел, как с рубежа обороны подходила к шоссе рассыпным строем наша воинская часть. От кровотечения и слабости Цибулько то видел все ясно, то перед ним померкал свет и он забывался.

Очнувшись, Цибулько рассмотрел возле себя людей и узнал среди них комиссара Лукьянова. Люди перевязали Цибулько, потом подняли на руки и понесли его к Севастополю. Ему стало хорошо на руках бойцов, и он, как мог, начал рассказывать им и Лукьянову, тоже несшему его, что видел сегодня. Но всего рассказать он не успел, потому что умолк и умер.

Занавес